

Екатерина Дружинина, Эвелина Андерсон Случайный нянь

ГЛАВА I

Облако сизого дыма лениво расплзлось по небольшому помещению, укутывая собеседников.

— Такие дела, Тоха, — подытожил голос, чересчур высокий для мужчины. — Для тебя сейчас единственным вариантом будет залечь на дно и месяца два-три не высываться. За хатой пригляжу, не волнуйся.

— А бизнес? — будто хлыстом разрезал воздух густой баритон.

Дымка рассеялась, и двое мужчин отчётливо прорисовались в пространстве. Тот, что стоял, высокий с холодными серыми глазами, протянул руку к лежащей на столе пачке сигарет.

— Ты ж бросил курить, — нахмурился собеседник, только что потушивший свою сигарету.

— Гера, не мути воду. Я спросил — что будет с бизнесом? — ледяной взгляд прожёл насквозь. — Бросишь тут, блин.

— Антоха, ну что ты, в самом деле? Не врубаешься? Да, финансовый директор — я, но

глава-то компании — ты. Даже на самой замшелой бумажке стоит твоя подпись. А мы, заметь, не песочницы для детей строим, а глобальные проекты осуществляем. Там такой кипишь с последним объектом поднялся! Какие-то финансовые махинации повывлезали...

— Махинации?

— По идее у нас почти все чисто, но...

— Стоп. Как это — почти? — в баритоне прорезался металл.

— Ну, эм-м-м... Там, помнишь, не хотели давать добро на офисную 25-этажку в центре? Ну, вот, пришлось подмаслить... А ещё они кой-какие доки нарыли в сейфе...

— Гера! Твою налево! Ты понимаешь, что это статья?! И как открыли сейф?

— Слушай, ты не ори. Приперлись чуваки и начали мне в морду тыкать ксивами. А я что могу? Открыл. Там особо без проблем доки, но это пока все проверят... Вот я и говорю — на дно тебе надо, пока не утихнет. Если ты, конечно, не хочешь каждую неделю в отдел мотаться. А я тут разберусь. Насчёт бизнеса — так у нас сейчас затишье. Тендер испанцы только через полгода планируют, я уточнил. Бизнес-центр почти закончен, все подписано. Там пару росчерков осталось, но это можно и попозже — сроки не жмут.

— Зря ты, Гера, дал...

— Да я всегда даю, типа, ты не знал!

— Типа — нет. Ты — финансовый, ты — мой друг. Я тебе доверяю, как себе.

— И правильно делаешь! Вот и расслабься, поживи на моей даче под Смоленском. Там никто тебя искать не будет — дом на бывшую жену оформлен, а она в Англии живет уже лет пять. Так что, место надёжное. Туманово!

— Не знаю...

— Да не сомневайся ты! Все норм будет. Я тебе и ключи прихватил.

— Ты что это, — глаза Антона сузились до размера прорези в копилке, — уверен был, что я соглашусь?

— Я тебя, брат, не первый год знаю. Тем более, выбор невелик — наши личные счета арестованы, счета фирмы заморожены, на квартире тебя достанут. Сам видишь — мое предложение идеально.

— А жить мне на что?

— Ну, так я найду, с голоду не помрешь, — Герман неприятно усмехнулся, обнажив ряд мелких зубов. — Так что, хорошего вам отдыха, Антон Юрьевич Кронштейн! Первый отпуск за пять лет, однако!

Худощавый мужчина поднялся из-за стола и, одернув пиджак, вытянул руку с небрежно зажатой

между липкими пальцами связкой ключей, на которой болтался брелок в виде крысы.

— Мерзкий брелок, — поморщился Антон.

— А мне нравится! — снова расплылся в масляной улыбке Гера. — Бери и пользуйся! Не потеряй только.

Все ещё находясь в каком-то туманном состоянии, Антон взял ключи и с надеждой посмотрел на друга.

— Точно, ненадолго?

— Да месяца два, от силы — три. Все будет в ажуре!

— Ну, Шакалов, смотри, чтоб чётко тут. И больше не вздумай никого «подмасливать»!

— Все-все, не буду! Давай! Если что, скажу, ты внезапно исчез. И это, слышь, симку мою возьми — это вторая. Я все равно не пользуюсь. Ну, и налик — пока два чирика, больше нет с собой. Привезу через пару дней. Кстати, ключи от хаты оставь, мало ли что...

Гера вынул симкарту из телефона duo-sim и протянул другу. Антон забрал всю предложенную Шакаловым мелочевку и направился к выходу, попутно бросив на стол свою связку ключей от квартиры.

— Тоха!

— Чего?

— Тачку не бери — спялят. На такси езжай.

Антон ничего не ответил, только сверкнул глазами и вышел. Гера взял трубку стоящего на столе коммутатора и просипел:

— Рыбусь, зайди-ка.

Через несколько минут в переговорку вплыла эффектная брюнетка с алыми губами и густо подведёнными чёрными глазами. Уставившись туда, где у обычных девушек декольте, а у бухгалтера компании «Олимпус» едва прикрытые полусферы четвёртого размера, Гера сглотнул и хрипло выдавил:

— Все чётко, по плану.

— Чудненько... Мечь — какое сладкое слово... Даже слаще, чем секс...

Брюнетка прикрыла веки и повернула ключ в дверном замке...

ГЛАВА II

Антон вышел из огромного зеркального здания, в окнах которого плясали солнечные зайчики, и сплюнул. Омерзительное послевкусие заполняло рот, и глава многомиллионной корпорации выругался:

— Чертово курево! Ведь бросил же! Залечь на дно... Без денег, без машины, без работы... Да как?? Съем мороженку!

В детстве родители каждое лето отправляли

Антон к деду в деревню. Уже нет ни деда, ни той деревни, да и родители один за другим пару лет назад отошли. Но извечный жизненный совет прошедшего не одну войну старика отпечатался в мозгу Антона, как тавро на бычьей шее: «Ты как встанешь нос к носу с непоняткой какой — съешь мороженку! Оно, знаешь, как помогает! Проблема не решится, а настроение улучшится. А под хорошее настроение все проблемы — ниже колена! Глядишь, и идейка какая появится. А не появится — так хоть полакомишься вкусненьким».

Воспоминания о бабушке и деревне хранились в отдельном углу памяти Антона. Там, куда не добрались кадры семейной жизни с Людмилой, страстно мечтающей о ребёнке. Это были странные обрывки памяти. Антону, вроде, было не больно думать о своём не сложившемся браке, поскольку он всегда ставил на первое место карьеру. Достичь невозможного, прыгнуть выше головы, заставить отца, полжизни проработавшего в НИИ, гордиться сыном. А семья требовала слишком много времени и внимания. Взяв в жены дочь одного из партнёров, Антон надеялся укрепить фундамент своего бизнеса. Однако, попытка провалилась. Нет, бизнес, конечно, попер в гору. Но мягкая тихая Людмила, мечтающая о детях, неожиданно твёрдо поставила вопрос ребром — ребёнок или развод. К ультиматам Антон не привык, поэтому обрубил

резко. Не сказать, что его сильно расстроила ситуация, но осадок остался. И вывод: семья — для бизнеса помеха. Сперва надо выстроить империю, а потом о наследниках думать. Чтоб эти самые наследники с голой жопой не ходили и пустой хлеб не жевали. Возможно, такие мысли плотно засели в голове основателя крупнейшего строительного холдинга страны по причине не слишком обеспеченного детства и юности. Сразу после института упёртый и предприимчивый парень довольно быстро освоился в мире бизнеса и, взяв в напарники студенческого друга, проныру Герку Шакалова и внушительный кредит в банке, за несколько лет достиг вполне ощутимых высот.

Жаждой славы Антон не болел, поэтому журналистам приходилось либо выдумывать про него небывлицы, либо довольствоваться скудной информацией, выдаваемой Герой. Шакалов же, напротив, обожал внимание прессы и регулярно мелькал на всевозможных вечеринках и богемных тусовках, меняя подружек, как носки. Поэтому многие ошибочно считали именно Геру, а не Антона президентом «Олимпус».

Обладающий острым чутьем и цепким умом Гера стал финансовым директором холдинга и по совместительству руководителем тендерного департамента, где речь шла о миллионах евро. Основной задачей было выиграть тендер или

получить грант на строительство объекта, в который иностранными компаниями инвестировались заоблачные суммы. Это была золотая жила, и Шакалов справлялся со своей работой на пять с плюсом, пока на рынке не появилась выскочка Мария Лидэр. Сотрудница какой-то убогой конторки, о которой Гера слыхом не слыхивал, вдруг выиграла один за другим два привлекательных контракта. Конечно, это были не слишком сладкие куски, но сам факт очень расстроил Шакалова. Расстроил и разозлил. Он давно решил бы вопрос «по-пацански» — припугнуть девчонку, и все дела. Но Антон был категорически против силовых методов, поэтому Гере приходилось крутиться, как миноге на раскалённой сковороде. Вот и докрутился — не там подмазал, не те документы показал, а отдуваться теперь Кронштейну. В общем, ситуация сложилась неприветливейшая, и Антону ничего не оставалось делать, как съесть мороженое и ждать озарения.

Задумчиво позвякивая ключами от дачи, твёрдой походкой Антон направился в сторону городского парка. Возле витой кованой ограды, обозначающей парковую зону, стояла мороженщица. Раньше торговки холодным лакомством были как на подбор пышнотелыми, с перегидрольными химиями круглолицыми дамами из разряда «сорок пять — баба ягодка опять».

Теперь же это сплошь молоденькие девицы с боевым макияжем, отчаянно строящие глазки любому, чей внешний вид тянет больше, чем на сотню баксов.

Антон заглянул под зонтик и склонился над витриной холодильника.

— Чего желаете? — промурлыкала худая блондинка, улыбаясь во весь рот и ловко демонстрируя предельно допустимый вырез на майке.

— Эскимо. Вот это дайте, с орехами.

— Прекрасный выбор! — продавщица улыбнулась так, как будто он только что купил «Феррари».

Сунув ей в руку сотню, Антон резко отрезал:

— Сдачи не надо.

Собственноручно достав эскимо, он развернулся и зашагал в парк, так и не увидев разочарованное выражение лица девушки, которая в этот момент прощалась с мечтой о сказочном принце в костюме «Бриони»...

А за пределами ограды начинался иной мир. Шумная Москва с вечно спешащими людьми осталась снаружи. Внутри царила приятная прохлада и звуки природы: легкий плеск тихих вод паркового пруда, птичьи трели и шум деревьев, отбрасывающих тень на присыпанные гравием дорожки. Погрузившись в свои мысли, Антон шёл

по парку, не замечая ничего вокруг. В голове, как тараканы при включенном свете, бегали вопросы: «С чего вообще вся эта история раздулась? Почему они нагрянули ко мне? Сколько денег засветилось? Какую сумму предложил Гера и кому? Что мне грозит? Ехать в какую-то деревню, непонятно — куда, непонятно — зачем и непонятно — на сколько! Надо подробнее узнать у Геры, да и бухгалтерша молчит. Ни черта не понимаю!»

— Вот, дерьмо! — вырвалось у Антона.

Тут он обнаружил, что сидит на скамейке, причём не один. Соседка, занявшая противоположный край лавочки, не стесняясь, рыдала в голос и утирала маленьким платком уже порядком распухший и покрасневший нос. Размазанная тушь на сузившихся глазах свидетельствовала о том, что девушка плачет не пять и не десять минут, а гораздо дольше. Для такого неиссякаемого потока слёз наверняка имелась веская причина, и Антон предложил единственный имеющийся у него на данный момент вариант спасения:

— На, съешь мороженку — полегчает!

ГЛАВА III

Нет, она не истеричка. Просто обстоятельства так сложились. Просто сегодня такой чудесный

день, греет солнце и щебечут птицы, а она не может позволить себе столь необходимого отдыха...

Да, она устала. В конце концов, она не железная, как думают конкуренты. Весь этот фарс, бескомпромиссность и стервозность — всего лишь профессиональные привычки, маски, которые с каждым разом всё сложнее снимать. Просто поддержать некому... Просто уже почти год она одна. Она и Олежка, пятилетний сыночек, любовь всей её жизни. Не считая мужа, конечно. Царство ему небесное.

Стоило Марии вспомнить мужа, как душевная рана закровоточила. Юра... Как же без него тяжело! Как он её любил — боготворил! Наверное, никто не сможет вот так вот её полюбить, чтобы ради семейного благополучия от профессии отказаться. Юрка хоть и говорил всегда, что в Москве для фельдшера из глубинки рабочего места не нашлось, Маша знала — лукавил. Видел, как она между офисом и домом разрывается, нервные срывы себе зарабатывает. Потому и взял на себя её обязанности, сидел дома и занимался сыном, пока она пропадала на совещаниях, в пучине телефонных звонков и отчётов за стеклянными дверями своего кабинета. Ведь Маша карьеристка, до мозга костей карьеристка, коренная москвичка с амбициями и претензиями к себе и к окружающим.

И вот, когда Юры не стало, пришёл ее

звездный час. Маша грезила о нём с тех пор, как поступила на инженера-проектировщика в ИСА МГСУ. Она не спала ночами и тайно рыдала в подушку, стоило только представить, что однажды такой шикарный контракт может достаться кому-то другому. Но, хвала небесам, справедливость всё-таки есть на этом свете. Правда, у справедливости оказались свои взгляды на себя любимую или же она тётка с особым чувством юмора. Почему? Потому что победа в тендере целенаправленно плыла именно в её, Марии, ухоженные ручки, конкурсный просмотр — всего лишь формальность, которая необходима. А Маша его практически запорол, ведь сейчас её руки оказались связанными.

Да, такой шанс выпадает только однажды. Один раз! А у Маши. Связаны. Руки. Совсем... И как не больно это осознавать, причина тому — Олег. Почему, Господи, почему он такой? Олежка, красивый и умный мальчик, откуда эти странности? Ведь Маша могла бы водить его в элитный детский сад, с её сыном могли бы заниматься высококвалифицированные педагоги по лучшим образовательным программам! Но нигде, ни в одном из детских коллективов Олег не приживался. Он был белой вороной, его сторонились и боялись не только дети, но и взрослые. И никто, никто не мог объяснить причину неожиданных припадков и

приступов агрессии, что случались с Олегом. Юра ходил с ним по врачам, Олег сдал кучу анализов и тестов, но безрезультатно. В конце концов они смирились, и Юра заявил, что больше их сын не пойдёт ни к одному врачу и в детский сад он тоже ходить не будет...

Теперь Юры нет. А няньки меняются одна за одной, как перчатки. Каждый раз, приводя в дом новую, Маша ловит на себе обиженный детский взгляд. Что она может? Гонорар уже зашкаливает, а они бегут. Вот и сегодня очередная позвонила и заявила, что уходит немедленно. Час всего дала, чтобы Маша домой вернулась. Час! А у неё как раз презентация, подписание важных документов. На кону судьба заветного контракта на строительство бизнес-центра в самом сердце столицы. Как же это ужасно... Маше пришлось всё делать наспех, она показала себя непрофессионально и чуть не сошла с дистанции! Спасла заслуженная репутация её фирмы, которая сегодня ощутимо пошатнулась.

Мария вспомнила хищную улыбку Шакалова, когда ей пришлось впопыхах заканчивать презентацию, и на глаза навернулись злые слёзы. Не дождётся! По крайней мере, она не сдастся без боя, Шакалову придётся изрядно попотеть, чтобы вырвать у неё этот куш. Именно так Мария рассуждала, торопясь домой. Она подбадривала себя и успокаивала, хоть и получалось не очень

хорошо. А потом и вовсе расклеилась, когда, обзвонив все агентства, так и не нашла замену сбежавшей няньке — слухи разлетались быстро, и в городе уже было известно о ее «необычном ребенке». Что теперь делать? Куда Олега девать? Ведь ей так много нужно успеть! Мария смотрела на играющего у пруда сына и шмыгала носом. Как же он на Юру похож! Юра... Мария не выдержала и разрыдалась прямо здесь, на лавочке в городском сквере.

Слёзы текли солёным потоком, размывая косметику. Маша смотрела, как Олег рвёт ромашки, чтобы потом подарить их маме, а перед глазами стоял Юра. Как тогда, пять лет назад...

Их встреча была неизбежной. Маша потеряла родителей, они разбились в ДТП, и впала в глубочайшую депрессию. Спасла сокурсница Инна Лусинова — утащила скорбящую подружку в деревню подальше от московской суеты, где всё, от сирен неотложек до едкого смога напоминало о маме и папе.

Маша не горела желанием ехать к чёрту на кулички, но и сильно не сопротивлялась. Так она оказалась в Антоново, красивом местечке на живописном речном берегу. Её душевная кома маленькими шажками отступала каждый раз, когда кожи касались ласковые лучи молодого восходящего солнца, улыбающегося весёлыми

зайчиками тихой воде, а ноздри щекотал лёгкий, пропитанный запахами луговых трав и цветов, свежий воздух. Маша всегда вставала рано: в Москве — чтобы успеть кучу дел, здесь — чтобы встретить рождение нового дня. Она даже ходила в лес, где могла забыться и набрать корзину грибов, чтобы отнести их тётке Зине, дальней родственнице Инны, которая гостеприимно приняла их в свой дом. Инна оказалась права — тихая жизнь российской глубинки лечит вернее антидепрессантов.

Но такое благолепное действие происходило с Машей до начала сумерек. А вечером, когда солнце устало касалось земли и раскрашивало макушки берёз и сосен в малиновый, а в высокой траве появлялись первые признаки свежей росы и буйствовали кузнечики, Мария снова начинала беспощадно хандрить...

Как назло, ночами деревню укутывал густой туман, и Маша терялась в нём, стоило шагнуть за калитку. Она всегда так делала — выходила из маленького домика, чтобы ни тётя Зина, ни Инна не видели её слёз. Но однажды туман уступил, принял Машу в свои молочные объятия, и с тех пор она каждый вечер исчезала под его покровом, чтобы спрятаться на краю песчаного берега. Она-то думала, Инна не подозревает о её хитрости, а оказалось, что знает. Когда Маша в очередной раз

собралась в туман, подруга схватила её за локоть и сердито заявила:

— Сегодня идёшь со мной.

— Куда? — растерялась Маша.

— В соседнюю деревню. Покажу, как наши веселятся!

Да, такого Маша в Москве не видела. Зброшенный дом, переделанный под клуб, старый усилитель и надрывающиеся колонки, самодельная светомузыка из раскрашенных разноцветной краской лампочек, белёсая самогонка и малосольные огурчики, а ещё песни под баян и купание под луной. И байки разные, довоенные, про старожил местных. Истории эти очень интересно слушать было, тем более что кровь от выпитого жаром пылала. Маша так-то никогда спиртным не увлекалась, но тем вечером поддалась на общие уговоры и аж три стопки горячительного в себя влила. Поэтому когда легенды местные постепенно перешли на тех, кто тогда в дружной компании гулял, Маша уже мало что понимала. Помнила только, что про Юрку проклятого зашептались, но что да как — не усвоила. А потом этот самый Юрка жизнь ей спас.

Так они и познакомились. У Маши приступ острого панкреатита случился, а парень Юра как раз медицинский колледж закончил и вернулся в родную деревню на ФАП работать. Его и так-то до

этого с нетерпением ждали, ведь никто из молодёжи в ФАПе заведовать не хотел, а после случая с москвичкой и вовсе фельдшеру Юрию Шувалову прохода не стало. И всё же он успевал за спасённой ухаживать. Красиво, по-рыцарски. Маша словно в сказку попала. Её убитое горем сердечко воскресло, потянулось к Юре доверчиво, хоть и невзлюбила девушку мать его, потому как не верила, что фифа столичная может искренне мальчишку деревенского полюбить.

А Маша полюбила. Да так, что в омут с головой. Омут запретный, глубокий и страстный, дыханием новой жизни бьющий. Так и получилось, что за несколько месяцев судьба Машина крутой вираж сделала — сначала родители погибли, а потом она забеременела.

Юра Машу замуж позвал. Девушка согласилась, только фамилию свою попросила оставить — в память о родителях. Свекровь будущая после этого еще подозрительнее на сноху смотреть стала, но сердце материнское все же оттаяло, как только узнала, что молодые в деревне остаются. Маше решение это тяжело далось, не хотела она в Антоново жить, но и против Юре не говорила ничего, потому что видела, как мама ему дорога. Свекровь вздыхала порой тревожно, а потом из поездки какой-то вернулась и всё поговорить с Марией порывалась. Но разговора у

них так и не состоялось. Умерла мать Юрина, уснула ночью и не проснулась, как у стариков бывает. Любимого в деревне ничто не держало более, переехали они в Москву, там Олег и родился. А когда забирал их новоиспеченный папаша из роддома, подарил жене огромный букет полевых ромашек. В этом весь Юра был — настоящий, на свободе возвращенный, как васильки да колокольчики, не чета розам капризным и гордым лилиям, от рук человека зависящих.

Юра... Юрочка... Маша сквозь пелену увидела, что сыночек цветы не ей, а девочке незнакомой понёс. Улыбнулась. Что же им теперь делать, как быть?

Олег в мяч играть стал, а она очередным потоком слёз зашла и не заметила, как к ней на скамейку незнакомый мужчина сел.

ГЛАВА IV

— На, съешь мороженку — полегчает!

Маша устала на аппетитное эскимо, совершенно не понимая, что должна делать. Всхлипывая, спросила:

— Что это?

— Лекарство от печальки, — мужчина улыбнулся краешком губ.

— Я не люблю мороженное! — сорвалась она,

но потом спохватилась: — Спасибо.

— Я тоже не особый поклонник, но дед говорил, помогает.

Антон, наконец, разглядел девушку и окончательно проникся к ней жалостью. Спутанные пряди каштановых волос в беспорядке топорщились в разные стороны, красный нос «прекрасно» сочетался с опухшим лицом, поджатые губы нервно подрагивали.

— В чем причина таких бурных слез? — поинтересовался он.

Маша хотела огрызнуться, мол, не ваше дело, но сдержалась. В конце концов, этот представительный мужчина ни в чём не виноват, а Юра всегда говорил, что иногда бывает полезно рассказать о своих горестях незнакомому человеку.

— Сын.

Вот, значит, как. Эта дамочка рыдает из-за сына. Антону в голову тут же мысли нехорошие пришли, вспомнились посты в соцсетях про смертельно больных детей. Неужели из-за такого несчастья незнакомка слезами обливается?

— Может, помощь какая нужна? Где ваш сын?

Маша оглянулась на полянку, где две минуты назад пятилетний Олег играл с девочкой в мяч, и с ужасом поняла, что ребёнка нет.

— Олег! — вскочив со скамьи, не своим

голосом закричала она. — Оле-е-ег!!!

— А этот не ваш? — Антон кивнул на мальчика в ярко-оранжевой кепочке, пересекающего парковую дорожку. Пацан нёсся к озеру, где на водной поверхности в полутора метрах от берега мирно покачивался футбольный мяч.

— Господи, он не умеет плавать! — взвизгнула Маша и ринулась за сыном. В ту же секунду Антон подорвался следом и в два прыжка оказался у самой воды. Схватив свободной рукой отчаянно сопротивляющегося ребёнка, он передал его подбежавшей Маше. Она, бледная и напуганная, прижала сына к груди и запричитала:

— Олег, разве так можно?! Ты мог утонуть! Никогда, слышишь, никогда так не делай!

Маша не хотела кричать, но ничего не смогла с собой поделаться. А Олег хлопал глазками и смотрел то на мать, то на незнакомого дяденьку, помешавшему ему спасти любимую игрушку.

— Мамочка, почему ты плачешь? — расстроился он. — Это из-за меня? Я больше так не буду.

— Что ж ты, шельмец, мамку пугаешь? — покачал головой Антон. — А если б в воду бултыхнулся?

Но Олег его не слышал — он смотрел на уплывающий все дальше мяч, и в глазах его

закипали слезы. Нижняя губа мальчика затряслась:

— Мой мячик...

— Эй, брат, сырости здесь хватает, — одёрнул его Антон и протянул слегка помятое мороженное, которое все это время сжимал в руке. — На, вот, держи мороженку. Достану тебе твоё сокровище.

Антон засучил брюки и ступил в озеро. Сделав шаг, он неожиданно провалился в воду по грудь. Маша вскрикнула и закрыла лицо руками. Олега здесь скрыло бы с головой!

— Порядок, ничего страшного, — махнул рукой Антон и, сделав ещё шаг, схватил мяч крупной ладонью с идеальным маникюром.

Выйдя на берег, глава холдинга «Олимпус» представлял собой печальную картину: брендовая рубашка и брюки насквозь промокли, вокруг ботинок растекалась огромная мутная лужа, а на пуговицу намоталась не то травина, не то водоросль.

— Держи, чемпион, — Антон протянул Олегу мяч, вызвав неподдельное восхищение малыша и его мамы. Счастливый ребёнок побежал играть, а Маша искренне заметила:

— Как вы здорово с детьми ладите. Нянькой работать не пробовали?

Она поймала на себе удивлённый взгляд серых глаз и покраснела. Что поделаешь, наболело...

— Мне не предлагали, — насмешливо ответил Антон.

— А если я предложу?

— Предложите мне стать няней? — обалдел он. — Неожиданно. Я даже, можно сказать, в растерянности... И, дайте, угадаю. Ему? — Антон кивнул в сторону веселящегося Олега.

— Знаете, — в Марии проснулась деловая хватка, — а давайте зайдём к нам домой. Приведёте себя в порядок, подумаете над моим предложением, обсудим детали.

Пока Антон не опомнился, она поспешно протянула руку и улыбнулась:

— Маша.

— Не уверен, что это хорошая идея.

— Пойдёмте-пойдёмте, мы недалеко живём! Сразу за перекрёстком. Олег, иди сюда! Не заставляй взрослых ждать. Кстати, как вас зовут?

— Антон Юр... Простите, просто Антон. Профессиональная привычка прибавлять отчество для солидности.

— Очень приятно, Антон! Вы уж извините, что так получилось. Скажите, а у вас есть дети?

— Нет, — отрезал он, слегка нахмурившись.

— Удивительно. Просто я подумала...

Маша осеклась, заметив недовольство на лице нового знакомого. Похоже, эта тема его напрягает. Интересно, почему? Вдруг она ошиблась, и этот

мужчина вовсе не так хорошо ладит с детьми, как показалось на первый взгляд? Но у неё нет выбора, Маша полностью зависит от того, какое решение примет Антон. Кто-то скажет, что она сумасшедшая, если подумала, что этот красавчик подходит на роль няни для её сына. Либо просто покрутит у виска уже хотя бы потому, что ей в голову пришла такая безумная идея. Но у Маши была прекрасная интуиция, которая в данный момент вопила о том, что с новым знакомым у неё появился шанс выиграть заветный тендер. Поэтому сейчас надо, чтобы Антон принял всерьёз её слова и в итоге согласился на Машино предложение. Иначе все её труды полетят прахом, ведь она не может таскать с собой ребенка по душным офисам на нескончаемые заседания и переговоры. К тому же, мужчина произвёл хорошее впечатление, а Маша привыкла доверять первому мнению.

Из раздумий ее вырвал голос Антона:

— Что ж за несчастная игрушка тебе досталась — вечно влипает в неприятности! — Антон взял Олега за руку, передал маме и достал из-под припаркованного автомобиля закатившийся мяч. Маша строго посмотрела на сына:

— Олег, на дороге не играют в мяч! А вы уже в который раз нас выручаете — мячик спасли, мороженым накормили. Прямо настоящий герой! — сказала Маша и показала на

противоположную сторону дороги. — Почти пришли.

Перейдя проезжую часть, Маша остановилась перед подъездной дверью и достала ключи.

— Своя или снимаете? — Антон скептически оглядел панельный «корабль».

— От родителей досталась. Вы не переживайте, я хорошо вам заплачу.

— Что? — его брови удивлённо взлетели вверх. В голове пронеслась мысль: «Интересно, что в понимании этой дамочки означает «хорошо заплачу»?»

— Я говорю, что деньги — не проблема. Главное — найти к Олегу подход. Он хороший, правда. Бывают, конечно, иногда «заскоки», но вы уж не сердитесь, он год назад отца потерял. А вот и наше «гнёздышко».

— А, вы об этом, — Антон даже не заметил, как они поднялись на этаж, и хозяйка гостеприимно распахнула тяжёлую дверь. — Да, я, в общем-то, даже не в курсе, сколько сейчас услуги няни стоят. Может, у женщин и мужчин разный тариф, и вы меня надуете.

Он хотел пошутить, но вышло не слишком правдоподобно. От последней фразы девушка неожиданно напряглась.

— Поверьте, Антон, я оплачиваю работу нянь по тройному тарифу. Если этого мало, назовите

свою цену. Но об этом позже, сейчас я предлагаю вам сходить в душ. Подождите минутку.

Маша вышла в соседнюю комнату и через мгновение вернулась с полотенцем и чистой одеждой:

— Вот, думаю, эти вещи вам подойдут.

— Мария, я не хотел вас обидеть, — спохватился Антон и поймал на себе задумчиво-укоризненный взгляд Олега. — Спасибо за вещи, я быстро. Можно свои закинуть в стиралку?

— Ма-ам, — всё ещё хмурясь, позвал мальчик. — А эта рубашка...

— Да, конечно, закидывайте! — занервничала Мария. Только бы у Олега не началась истерика. — Милый, пока дядя Антон моется, собери, пожалуйста, конструктор. Я хочу, чтобы наш гость увидел, какой ты у меня умница! — и она поцеловала сына в бледную щёчку. — Ну, иди.

Краем глаза наблюдая за общением мамы с сыном, Антон осторожно спросил:

— Маша, вы уверены? Может, мне не стоит надевать вещи, я так понимаю, вашего покойного мужа? Могу и в полотенце походить... На крайний случай, в ванной посижу, пока мои высохнут. У вас же есть функция сушилки в стиральной машине?

— Господи, Антон, идите уже! — вспыхнула Мария, заметив, как при упоминании Юры у сына

затряслась губа. — Олег, конструктор в ящике.

Антон сверкнул глазами — не привык, чтобы на него кто-то повышал голос. Тем более, женщина. Однако раздувать конфликт из-за мелочи не стал.

— Я быстро, — повторил он и скрылся за светлой дверью.

Маша облегчённо выдохнула. Олег занялся игрушками, а она отправилась на кухню варить кофе.

Оказавшись в ванной, Антон быстро разделся и с ужасом обнаружил, что телефон умер вместе с симкой Геры.

— Блин, — ругнулся он и взял портмоне. — Хорошо, хоть деньги не промокли, а то пешкодралом бы фигачил до этого мухосранска, в который меня Гера засунул.

Закинув мокрые вещи в стиральную машину, Антон включил душ. Несколько минут под прохладными струями позволили собраться с мыслями и выстроить четкий план действий.

«Так, что у нас получается. Гера дал на лапу какому-то чиноше, на чем и попался. Нагрянувшие молодцы из ОБЭП вынудили его открыть сейф и изъяли документы. Пока будет идти разбирательство, мне нужно посидеть на даче в Туманово. Симку теперь однозначно придется новую покупать, да и телефон, похоже, тоже...

Деньги на такси и жарчку пока есть, но неизвестно, когда Гера разродится и даст еще. В свете всего идея с нянькой не так плоха. Хотя, конечно, мотаться туда-сюда не вариант. Надо придумать, как тут зависнуть. Здесь точно никакой ОБЭП не найдет. А Олег этот... Ничего, вроде, пацан, нормальный. В целом, все не так плохо. Одного не понимаю — почему бухгалтер молчит? Что там не так с документами может быть? Ладно, это я через неделю выясню, когда немного поутихнет».

Антон выключил воду, вытерся и принялся одеваться. Но тут возникла заминка. Если в брюки он худо-бедно влез, то рубашка категорически не хотела сходиться на груди и угрожающе трещала по швам. Совершенно очевидно, что хозяин вещей был меньше на пару размеров.

— Мда, неувязочка... — хмыкнул Антон и вышел.

В кухне у плиты стояла Маша и задумчиво колдовала над туркой. Она так увлеклась, что не заметила, как подошел Антон. Увидев его, вздрогнула и чуть не пролила кофе. Полуголый мужчина на ее кухне! И это не Юра...

— Ох, хорошо! — расслаблено протянул Антон и взглянул на девушку в тонком ситцевом платье до колена, отметив про себя: «А фигурка-то ничего...» Маша молчала, не отводя взгляда, и Антон продолжил:

— Мне, можно сказать, сегодня повезло: такая духота в городе, а я в парке погулял, в пруду искупался, душ прохладный принял, сейчас ещё и кофе, видимо, заварного выпью?

Он с надеждой кивнул на турку, которую Маша держала в руках. Терпкий аромат заполнял кухню, проникая в мозг. Кофе Антон очень любил и с лёгкостью отличал качественный напиток от дешевого пойла. У Марии был элитный кофе, значит, с окладом няни она не врет.

— Вы со сливками пьёте или чёрный?

— Только чёрный! Ненавижу полумеры — виски со льдом, коньяк с колой, кофе со сливками. Вкус должен быть цельным. Особенно это касается кофе. А вы? — спохватился он. — Как предпочитаете пить кофе?

— В компании, — улыбнулась Маша и поставила на стол две чашки с дымящимся напитком. Подождала, пока Антон сделает глоток, и с надеждой спросила: — Так вы согласны?

Антон поднял глаза и понял, что не сможет отказать. Да, он эгоистичный сукин сын и в первую очередь думает о том, как спасти свою шкуру. Но деньги, которые будет платить ему эта ненормальная, сейчас крайне необходимы. И кроме этого... Вдруг... Этот влажный взгляд синих, как спина кита, глаз выражал что-то такое, отчего его язык на мгновение онемел, а затем Антон услышал

собственный голос:

— Согласен.

Девушка расцвела:

— Знаете, а ведь у меня коньяк где-то был! Кофе с коньяком... Ой! Вы же говорили...

Маша засмеялась, она не могла поверить в такую удачу и поэтому сейчас вдруг стала рассеянной, что было абсолютно для неё не характерно. Или на неё так действует изучающий взгляд серых глаз?

— Мама, мама, смотрите, какой я кран собрал! — на кухню прибежал Олег. — Он может такие тяжести поднимать! Пеноблок, и брус, и плиты бетонные, и... И баржу может! Вот, здесь у него...

Но Олег не договорил — посмотрел на Антона. Рубашка, которую дала дяде мама, не сошлась на груди.

— Ой, — удивлённо захлопал глазами ребёнок. — А что это вам, дяденька, холодно?

— С чего ты так решил? — улыбнулся Антон.

— Тогда, если не холодно, зачем вам шерсть?

Олег ткнул пальчиком в густую поросль тёмных волос на груди мужчины. Маша проследила за пальцем сына и залиvisto рассмеялась. Антон непонимающе уставился на Машу, потом на Олега, и тут до него дошло! Мужской смех заполнил кухню, сплетаясь в тугой клубок с девичьим

звонящим хохотом. Наконец, Маша вытерла слезы и, все ещё всхлипывая, объяснила:

— Олег, это не шерсть. Шерсть у животных, а у людей — волосы.

— И у меня так будет? — искренне испугался мальчик, чем вызвал очередной взрыв хохота.

Антон утирал слезы кулаком, сотрясаясь всем телом.

— Когда-нибудь, возможно, ближе к зиме.

— Дурак! — обиделся Олег и убежал в комнату.

— Ну вот, — Антон расстроено посмотрел вслед убежавшему ребёнку, — доверие подорвал. Пойду восстанавливать!

Он резко поднялся из-за стола и направился за Олегом. Проходя мимо Маши, положил руку ей на плечо и сказал:

— Без меня не пейте. И, да, можно немного коньяка. Праздник же — работу нашёл!

— Антон, постойте, — остановила его Маша. — Не надо, дайте ему остыть. Вы не переживайте, я поговорю с Олегом, завтра он уже всё забудет. А коньяк... Кажется, он закончился.

Антон подозрительно посмотрел на девушку. То выпить предлагает, то вдруг отказывает. Вот и пойми этих женщин. А Маша хоть и почувствовала неловкость, но быстро взяла себя в руки. Сама виновата, нечего едва знакомого мужчину в дом

приглашать и коньяк предлагать, кофе достаточно. На том, что кроме напитков, она также вверяет непроверенному человеку своего сына, Маша умышленно не стала заикливаться.

Антон развернулся и сел на место.

— Вы мать, вам виднее. Не буду настаивать.

Подумав, он добавил:

— Вот и чудно, что коньяка нет! А то к нему непременно хорошую сигару надо.

— У Олега аллергия на табачный дым, — строго заметила Маша.

— Я бросил. Хотя бывают такие ситуации, когда не то, что закуришь, а под поезд кинешься!

— Это точно, — вздохнула Маша. — До завтра? Жду вас в семь.

Девушка выжидающе посмотрела на Антона в надежде, что он сейчас встанет, переоденется и уйдёт. Не потому, что она негостеприимная бука, а из-за того, что чем дольше этот красивый мужчина находился в её квартире, тем сильнее Маша сомневалась в правильности принятого ею решения.

Но Антон, похоже, не спешил. Он посмотрел в опустевшую чашку, где на самом дне остался тёмный осадок, и неожиданно спросил:

— А гадать на кофейной гуще умеете?

— В Антоново умеют, — выдохнула Маша и, поймав на себе вопросительный взгляд, пояснила:

— Деревня такая. Никогда там не были?

— Неа, я больше по заграницам как-то. Хотите попробовать?

— За границу?

— Погадать!

— А, давайте!

Антон взял свою чашку, несколько мгновений покрутил её в руках и, резко перевернув на блюдце, посмотрел на Машу:

— Теперь вы.

— Там кофе.

— По правилам надо допить, если хотите правдивый ответ.

Маша залпом опрокинула в себя оставшиеся несколько глотков, в точности повторила манипуляции Антона и вопросительно подняла глаза:

— Что дальше?

— Думайте о том, что вас больше всего тревожит. Только чашку не отпускайте.

Маша задумалась. Что её сейчас тревожит? Сука Шакалов! Но это все мелочи... Сердце зашлось, ведь как-то нечаянно Маша про Антоново вспомнила, а там прошлое её, там Юра... Она взглянула на сидящего напротив мужчину и выпалила:

— Замуж выйду?

Антон оторопело посмотрел на неё и

удивлённо спросил:

— Реально, беспокоит? Молодую, симпатичную, с жильём и хорошей работой? Тут, не гадая, можно сказать — без проблем! Стоит только захотеть. Другое дело — хотите ли вы этого.

Маша смущённо отвела глаза, а в голове все ещё звучал его голос: «Хотите ли?» Действительно, а нужен ли ей кто-то ещё в их маленьком с сыном мирке? Чужой мужчина никогда не сможет заменить Олежке отца. Тем более, что ее сын не совсем обычный ребёнок. Олег... Вот, что ее беспокоит!

Размышления прервал уже привычный баритон:

— Думаю, можно смотреть.

Антон перевернул свою чашку и стал увлечённо разглядывать дно.

— Что у вас? — поинтересовалась Маша.

— Кхм, много кривых линий. Это означает, что в моем окружении полчища врагов. В общем-то, неудивительно... А у вас что?

Антон приподнялся и заглянул в кружку Марии. Молнией пронеслись обрывки воспоминаний из далекого детства. Тогда его бабка, которую одни называли ведуньей, а другие — ведьмой, гадала какой-то женщине, приехавшей издалека. Пятилетний Антон бегал за удравшим поросенком и сунул любопытный нос в чашку

бабкиной гостьи. Там он увидел точно такой же рисунок, что теперь красовался у Маши. Женщина та, вся в слезах, очень скоро уехала, а бабушка ещё долго что-то шептала про проклятие и охала, потряхивая седой головой.

— Если честно, не помню, что это значит, — поежившись, соврал Антон. Он не хотел пугать Машу своими предположениями.

Девушка нахмурилась и скептически изогнула аккуратную бровь:

— Зачем тогда гадать предлагали? Думаю, ваша одежда уже высохла.

— Конечно, — прищурился Антон, — если вы запустили стиральную машину. А я, признаться, этого не помню...

— В смысле? Вы же сами клали туда свои вещи!

— Клал. Но я, простите, не привык хозяйничать в гостях. А потом вы со своим кофе... А я последний раз вчера ел. Кстати, где мороженое?

— Мороженое Олег съел, если вы забыли! Тоже мне — еда! И не надо так смотреть, у меня не ресторан.

Антон удивленно уставился на Машу, пять минут назад бывшую премою особой, а теперь вдруг выпустившей коготки.

— Я за вашим ребёнком не следил, потому что к обязанностям няни приступаю только с

завтрашнего дня, согласно нашей договоренности. Или уже не приступаю? Мне, знаете ли, истеричных дамочек по жизни и без вас хватает! — он закипал, хотя прекрасно понимал, что сейчас собственноручно пилит сук, на котором так удачно примостился.

— Вы не уйдёте, — уверенно заявила Маша.

— С чего это вдруг?

— А вы бы не пришли тогда. Или хотите сказать, что не могли позволить себе просто зайти в ближайший бутик и купить новую одежду? Не знаю, что там у вас стряслось, но чёрта с два вы откажетесь сидеть с моим сыном!

Антон исподлобья взглянул на диктующую свои условия девицу и задумался: «Вот ведь послал боженька умную бабу! Нет, чтоб дурочку какую-нибудь! А у этой, как будто яйца стальные под цветастой юбкой! И права ж, зараза! За исключением того, что я теперь себе кроссовки «Абидабас» буду покупать у корейцев на рынке... Вот влип, блин».

— Все. Закрыли тему. Завтра к восьми приду. Вещички, простите, отдать пока не могу. Не слишком прилично по городу в расстёгнутой до пула рубашке ходить, конечно, но спасибо и на том.

Вылетев из-за стола, Антон открыл входную дверь и, обернувшись, заметил:

— Кстати, промок я именно благодаря вам,

поэтому не надо делать из меня козла отпущения. Спасибо за кофе.

Не давая Марии сказать и слова, он резко вышел, хлопнув дверью. Маша подбежала к окну и, распахнув его, крикнула:

— В семь! Я просила в семь!

Но Антон спешно пересёк дорогу, даже не обернувшись. Опустившись на стул и запоздало включив кондиционер, Маша позвала сына:

— Олег, подойди, пожалуйста.

Он не реагировал.

— Олег!

Мальчик нехотя подошёл к матери. Маша обняла его, чмокнула в макушку и улыбнулась.

— Тебе понравился дядя Антон?

— Я не хочу, чтобы он был моей няней, — надулся Олег.

— Он хороший, — Маша сделала вид, что не услышала последней фразы. — Вот увидишь, вы подружитесь.

— А ты?

— Олег, ты же знаешь, маме надо работать.

— Ты всё время работаешь!

— Ну, не куксись, — Маша потрепала сына по волосам. — Хочешь, в выходные сходим куда-нибудь? В кино? Или в сквер? А когда у меня будет отпуск, съездим в Диснейленд. Что скажешь?

Всё ещё хмурясь, Олег исподлобья посмотрел

на маму:

— Правда?

— Честно-честно.

— А когда у тебя отпуск?

— Думаю, скоро. А пока будь хорошим мальчиком и пообещай, что не будешь пакостничать, иначе дядя Антон уйдёт, и меня не отпустят.

— Но я не специально, — захныкал Олег. — Оно само получается!

— Знаю-знаю, — перебила его Маша. — Я тебе верю.

— Нет! Не веришь! Ты всегда так говоришь! А сама ругаешься!

— Олег, я не ругаюсь!

— Нет, ругаешься! Кричишь! Ты ничего не знаешь! Не понимаешь и... — Олег разревелся и, захлёбываясь, прокричал: — И папа не понимал!

Ребёнок убежал в свою комнату, громко хлопнув дверью. Маша устало вздохнула. К горлу подступил ком. Она не услышала ничего нового. Каждый раз, когда в их дом должна была прийти новая няня, у нее с сыном случался такой разговор. Маша просила Олега вести себя хорошо, он обещал, но итог всегда был один — няни сбегали. Глупо было полагаться на то, что сын примет Антона. Что ж, остаётся надеяться, что новая няня не исчезнет в первый же день...

ГЛАВА V

Внутри клокотало возмущение — никто никогда не смел ему указывать «что, когда и как»! Просили, умоляли, советовали, но диктовать?! Единственный ребенок в семье, любимчик многочисленной родни, не знающий недостатка в любви и обожании. Да, конечно, он не купался в деньгах — семью доктора наук столичного НИИ нельзя было назвать сильно обеспеченной. К тому же, большую часть жизни мама не работала из-за постоянных проблем со здоровьем. Чувство вины за это не покидало Антона долгие годы. Ведь именно его рождение сделало из мамы инвалида. В семье не любили вспоминать эту историю и всячески оградяли от нее мальчика. Но когда ему исполнилось 18 лет, одна из теток, впервые увидевшая племянника вживую, после нескольких стопок вишневки так скоро замела языком, что ее было не остановить. Всю историю, к счастью, рассказать она не успела, но главное Антон уяснил — если бы не его рождение, мама была бы здорова.

Именно это разъедающее чувство вины толкало его вперед. В институте он был лучшим на курсе, после практики его пригласили работать сразу в три столичные компании и две зарубежные. Но он выбрал стажировку в Германии и уехал на

год перенимать опыт сотрудников всемирно известной организации «НОСНТІЕF АG», занимающей лидирующие позиции на строительном рынке. Полученные знания и опыт вкупе со стремлением и амбициями сделали свое дело. Антон поставил все и «ухватил за яйца розового единорога» — мечты в кратчайшие сроки осуществились: родители переехали из малогабаритки в просторную трешку; папа пересел с «Жигулей» на «Субару», маме открылись двери самых дорогих медицинских клиник и оздоровительных курортов. И это не считая мелочей вроде домработницы, ресторанов, брендовой одежды и прочих атрибутов сытой жизни.

Но наслаждаться безоблачным счастьем семье Кронштейнов пришлось недолго. Мама, несмотря на все усилия лучших специалистов, отошла спустя пять лет. Конечно, счастье, что ей удалось прожить так долго. Сам доктор медицинских наук, профессор Серебрянников, давал ей максимум два года, а тут — пять! Вслед за ней ушел и отец — жить без любимой женщины оказалось не под силу. Сердце его остановилось в час дня, чтобы больше никогда не забиться. Было в этой истории что-то мистическое, ведь мамина смерть тоже наступила в час. И похороны... Похороны обоих состоялись в одинаковое время с разницей в год и месяц. Все эти

необъяснимые мелочи стерлись из памяти Антона и вспыхнули только сейчас, при взгляде на наручные часы, подаренные отцом на совершеннолетие. Стрелки замерли на отметке «I» — именно в 13.00 Антон провалился в пруд...

— Чертовщина, — ругнулся он, протирая рукавом рубашки циферблат. — Что-то я задолбался сегодня. Бесконечный день...

Мысли, едва появляясь в гудящей голове, мгновенно улетучивались. Антон стоял на дороге, пытаясь поймать такси. Он ловит такси! Сколько лет назад такое было в последний раз? Не автомобили класса люкс через диспетчера вызывает, а торчит на обочине с поднятой рукой! В тесных брюках, сидящих почти в облипку; в рубашке, застегнутой на несколько нижних пуговиц; в мокрых ботинках и без носок. Жизнь делала крутой вираж, и непонятно — в какую сторону...

Спустя пятнадцать минут возле Антона остановилась убитая девятка, и пенсионного возраста водитель деловито поинтересовался:

— Далеко?

— Туманово.

Водитель загрузил адрес в навигатор и присвистнул:

— От ты, брат... Дорого выйдет.

— Сочтемся, — пробубнил Антон.

Старичок скептически оглядел с ног до головы потенциального пассажира и недоверчиво хмыкнул. Антон вздохнул и достал портмоне — глаза водителя тут же заблестели. Похоже, дедуля разбирался в стоимости кожаной галантереи.

— Садитесь.

Антон плюхнулся на мягкое заднее сиденье и вдруг услышал характерный треск — брюки-таки лопнули по шву!

— Черт! — ругнулся он.

— Что? Передумали? — испуганно спросил водитель.

— Нет, все нормально. Поехали.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Три часа езды, если пробок не будет. Хотя, какие сейчас пробки — ночь скоро... Какой же дерьмовый день выдался! «Не забыть завтра купить телефон и новую симку. Фигово, что придется брать на свое имя... И даже Гере не позвонить! Еще и штаны эти... Как в таком виде завтра ехать и отдавать их этой Маше? Маша... Странная особа... А, может, ну его нафиг, всю эту затею с няней? Отсижусь на даче в тепле и сухости — никаких прудов, никаких обиженных детей и психических мамаш, никаких забот и ответственности. Пару недель протяну, потом Гера сам приедет. А там, глядишь, и два месяца пролетят. Заманчивая идея. Уж лучше, чем мотаться туда-сюда...»

Антон все больше убеждался в бессмысленности задумки работать няней пятилетнего ребенка. Какой у него опыт общения с детьми? Да никакого! Что он будет делать, если у Олега случится приступ или, как там Маша говорила, «заскок»? А вдруг пацана на улице накроет, что тогда? Загребут в отделение, установят личность и, привет, клетка. Аргументов в пользу отказа странной мамаше появлялось все больше и, в конце концов, Антон решил, что ограничится одним днем. Все-таки обещал приехать, а слов на ветер он с роду не бросал. Сказал — сделал! Незаметно подкрался сон, который через три часа был прерван голосом пенсионера:

— Эй, дружище, приехали.

Антон вздрогнул и открыл глаза.

— Сколько?

Водитель кивнул на счетчик.

— Ого! Так всегда?

— А то как же! Пригород.

— Ясно.

Отсчитав несколько купюр, Антон протянул их водителю и спросил:

— Чтобы мне завтра в 8 утра оказаться на том же месте, с которого я уехал, во сколько отсюда надо отчаливать?

— Около пяти, может, минут в двадцать шестого.

— Могу на вас рассчитывать?

— С превеликим! Как штык!

— Тогда до завтра, доброй ночи.

— И вам того же.

Водитель захлопнул дверь и отъехал, оставив Антона в задумчивости посреди поселка.

— Все бы ничего, да только номера дома я не знаю!

От досады хотелось сесть на землю и завывать. Но он же мужик, надо взять себя в руки. Время позднее, по улицам одна молодежь хмельная ходит, песни поют и отношения выясняют. Эти вряд ли вспомнят жившую тут когда-то жену Шакалова. Надо искать кого-то постарше... Антон пошел по проселочной дороге вдоль домов. К счастью, метров через двести ему встретилась пожилая женщина.

— Вечер добрый, — поприветствовал Антон.

— Добрый, — женщина подозрительно покосилась на незнакомца.

— Я на лето приехал погостить, да адрес забыл. Ключи, вот, дали, а дом не помню.

— Чей дом-то?

— Анны Шакаловой.

— А-а-а, так она уж не Шакалова, да и нет ее тут давно — за границу сбежала к принцу заморскому.

— Это мне известно.